

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

академик РАН

АФГАН: НЕЗАЖИВАЮЩИЕ РАНЫ РОССИИ

Афганистан – горная страна, с которой Советский Туркестан граничит на юге... Британские империалисты сломали себе зубы, неоднократно пытаясь поработить свободолюбивый афганский народ.

Географический справочник
Москва, 1925

Война в Афганистане до сегодняшнего дня отдаётся болью у живых людей и в исторической памяти народа. Автор обратился к этой теме в одной из глав своей книги “Россия на Ближнем и Среднем Востоке. От мессианства к прагматизму”, опубликованной ещё в 1993 году. За прошедшие более чем два десятилетия вышла обширная литература по Афганистану: документы, мемуары, исследования. Это позволило уточнить многие факты и ряд оценок, касающихся тех событий. Основная авторская трактовка афганской трагедии СССР/России остаётся прежней, но новые материалы позволяют дать более взвешенную и полную картину. Речь пойдёт, прежде всего, о периоде принятия решений, касающихся Афганистана, а не о ходе войны, а затем — об Афганистане начала XXI века.

Афганская тема и сегодня остаётся актуальной: ведь США и их союзники “наступили на те же грабли”, что и имперская Великобритания в XIX — начале XX веков, и Советский Союз в конце XX века. Полезные уроки истории остаются зачастую невостребованными.

Образцовые отношения

Со времени установления Советской власти в России и вплоть до революционного переворота в Кабуле 27 апреля 1978 года советско-афганские отношения развивались удовлетворительно для обеих сторон.

Никита Хрущёв и Николай Булганин посетили Кабул в декабре 1955 года в ходе поездки в Индию и Индонезию. Визит оставил благоприятное впечатление. Королевский Афганистан по советской квалификации попал в “зону мира”, и сотрудничество с ним стало расширяться.

Любое кабульское правительство было настроено враждебно к Великобритании и Пакистану, и это политически сближало СССР и Афганистан. Великобритания (до появления США — главный противник СССР на Ближнем и Среднем Востоке) трижды — и неудачно — вторгалась в Афганистан, пытаясь

включить его в состав Британской империи. Она же отсекала по “линии Дюранда”^{*} значительную часть территории расселения пуштунских племён, ставших ядром Афганистана. Сначала они были включены в Британскую Индию, а затем вошли в качестве Северо-Западной пограничной провинции в Пакистан.

Пуштунская проблема стала главной причиной враждебности кабульского правительства к Пакистану. Вхождение Пакистана в Багдадский пакт в сентябре 1955 года решительно оттолкнуло от этой организации Афганистан, у которого и к Ирану исторически не было симпатий. В условиях глобального советско-американского соперничества ставка США на Пакистан и Иран подталкивала Афганистан к более тесным отношениям с СССР. В этом направлении воздействовала на Афганистан и китайская политика в 1960–1970-е годы, враждебная СССР, основанная на широком сотрудничестве с Пакистаном на антииндийской, антисоветской, а следовательно, и антиафганской основе.

Общие позиции выражались в широком сотрудничестве Афганистана с СССР в военной области — от поставок советского вооружения различных видов до подготовки афганских офицеров в СССР. В страну были направлены советские военные инструкторы.

В экономической области можно назвать добычу газа, сельскохозяйственные фермы в Джалалабаде, политехнический институт в Кабуле, авторемонтно-механический завод в Джангалаке, геологоразведочные работы, строительство электростанций. Едва ли не важнейшим вкладом было строительство полукольца дорог от советской границы в районе Кушки через Кандагар в Кабул и далее на север через перевал Саланг, где был пробит важный туннель на пути в Мазари-Шариф и вплоть до советской границы. Помимо экономического значения, эта дорога стала средством усиления политической централизации страны.

Советская помощь Афганистану в несколько десятков миллионов рублей в год была мизерной платой за эффективную нейтрализацию страны, за спокойную двухтысячекилометровую границу, за отсутствие на территории Афганистана каких-либо иностранных военных объектов, которые можно было бы использовать против СССР. Одна лишь экономия за счёт поддержания войск в Средней Азии на минимально необходимом уровне многократно перекрывала все расходы на сотрудничество с Афганистаном.

Демонстративное и реальное невмешательство СССР в афганские дела, деидеологизация отношений обеспечивали и доверие к СССР афганского руководства и широко распространённые симпатии населения к русским, советским (*шурави*).

Посетив несколько раз Афганистан в предреволюционные годы, имея встречи и беседы в посольстве СССР в Кабуле, а в Москве — в МИДе и в Международном отделе ЦК, автор категорически утверждает, что существовавшее положение дел, включая сам королевский режим Захир-шаха, полностью устраивало советское руководство и что никаких планов его замены не было.

Революция как спусковой крючок

История и внутреннее развитие Афганистана распорядились иначе.

Закостеневший средневековый королевский режим становился невыносимым бременем для зарождающегося среднего класса, буржуазии, торговцев, предпринимателей, интеллигенции, для афганских разночинцев. Он уже не мог адекватно реагировать на потребности в переменах. Требования провести реформы раздавались все громче. Стихийные бедствия и голод в начале 1970-х годов расшатали режим, и он отреагировал в 1974 году верхушечным переворотом родственника короля Мухаммеда Дауда, который провозгласил республику, оставив, по сути, всё по-прежнему.

Власть была ослаблена переворотом. А в это время в обществе окрепла другая, крайняя по своему радикализму сила — марксистская Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Чем больше запаздывали с реформами прежний режим или колониальные власти, тем больше влево склоня-

^{*} “Линия Дюранда” — граница между Афганистаном и Британской Индией, установленная англо-афганским договором 1893 года. Она была названа по имени секретаря по иностранным делам британской колониальной администрации в Индии М. Дюранда, заключившего в Кабуле этот договор с афганским эмиром Абдуррахман-ханом (*прим. ред.*).

лась активная часть оппозиции. Это явление стало распространённым: Эфиопия, Ливия, Ангола, Мозамбик, Южный Йемен... Афганистан тоже не стал исключением.

К левым, марксистским группировкам в Афганистане, как и в Эфиопии, примкнула значительная часть революционно настроенного офицерства. Потускневшая в других районах мира модель социализма советского образца для отсталого Афганистана сияла достаточно ярко – слишком разительный контраст с ним представляла советская Средняя Азия. Негативные стороны жизни среднеазиатских советских республик казались афганским марксистам второстепенными по сравнению с достижениями.

Народно-демократическая партия Афганистана была нелегально создана в Кабуле в январе 1965 года. Во главе её стояли пуштуны Нур Мухаммед Тараки и Хафизулла Амин. В 1967 году от НДПА откололась фракция во главе с таджиком Бабраком Кармалем, названная “Парчам” (“Знамя”). Другая, численно бо́льшая часть партии, получила наименование “Хальк” (“Народ”), по названию печатного органа НДПА. Это был раскол и на личной, и на этнической почве, но также из-за тактических разногласий. Большинство офицеров были хальковцами.

В июне 1977 года обе фракции объединились в НДПА с целью ниспровержения режима президента Дауда. 27 апреля 1978 года Дауд был свергнут в результате кровавого военного переворота, получившего официальное наименование “Великая апрельская революция”. 29 апреля был сформирован Революционный совет из 35 членов. В первом правительстве Тараки, состав которого объявили 1 мая, было 11 членов “Халька”, 10 – “Парчама”. Кармаль стал заместителем премьера, а Амин – министром иностранных дел. Реальная власть была в руках Тараки, генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета, премьер-министра и командующего вооружёнными силами. Отметим, что “из 21 члена нового правительства, созданного после 17 апреля, 10 учились в США и трое – в СССР”.

“Вот не было печали...”

За переворотом не стоял Советский Союз. Это обвинение в адрес СССР не раздавалось из серьёзных источников на Западе даже в разгар антисоветской пропагандистской кампании. В Межведомственном разведывательном меморандуме США от 28 сентября 1979 года говорилось: “Мы не имеем убедительных свидетельств, подкрепляющих утверждение, что Советы стояли за переворотом, который привёл к власти марксистов”. “Когда поэт и литератор Тараки побывал в 1965 году в Москве на съезде писателей, – говорил специалист по истории Афганистана профессор Ю. В. Ганковский, – его никто на высоком уровне не принял. Лишь референт Международного отдела ЦК беседовал с ним и высказал убеждение, что Афганистан не готов к социалистической революции”. Сейчас стало известно, что о планах переворота знала советская внешняя разведка и даже отговаривала от него руководство НДПА, но безуспешно.

Афганистан созрел для революции. Весь вопрос состоял в том, какой революции, какие силы совершили её и какую программу собирались выполнять.

Новое правительство с наивным (может быть, преступно наивным) романтизмом, унаследованным от экстремистов из иранской партии Туде, продемонстрировало презрение к исламу и вызвало враждебность значительной части мусульманского духовенства в глубоко религиозной стране.

Автор этих строк, находившийся в этот период в Каире, всё ждал сообщения о том, когда же Политбюро НДПА заложит мечеть и совершит по этому поводу коллективную молитву, но не дождался. Марксистам, взявшим власть в Афганистане, эта простейшая, пусть прагматичная мысль приходила в голову.

Афганские революционеры провозгласили амбициозные планы, включая земельную реформу, развитие образования и культуры, освобождение женщины, уменьшение налогов, начали кампанию против коррупции, кумовства, контрабанды и наркотиков. Они не учитывали, однако, социально-политические реалии и духовную и ментальную ориентацию афганского общества.

Аграрная реформа столкнулась с естественным сопротивлением не только землевладельцев, но и самих крестьян, психологически не подготовленных к новому социальному состоянию. Она не учла особенностей распределения земель и воды в различных районах, взаимоотношений помещиков и крестьян.

Культурные и общеобразовательные мероприятия, изменение статуса женщин сталкивались с мусульманскими традициями. Борьба с контрабандой нарушила традиционное занятие пуштунских племён и вызвала их недовольство. Стремление навязать централизацию отталкивало и верхушку племён, и местных феодалов.

“Поддержав новый режим, СССР стал заложником сектантских, незрелых и неуравновешенных сил, которые был не в состоянии контролировать, – пишет бывший заместитель руководителя Международного отдела ЦК КПСС К. Н. Брутенц в своей книге “Тридцать лет на Старой площади”. – Москва угодила в ловушку, вступив в игру, в которой приходится всё время увеличивать ставки, не имея возможности ни направлять её, ни, тем более, выиграть”.

Видный дипломат О. А. Гриневский в книге “Тайны советской дипломатии” пишет: “Громыко ворчал:

– Вот не было печали... Такой был хороший, послушный сосед – ну, прямо Финляндия на Юге. Чего же ждать теперь от этих безумцев?

Зато партийные идеологи и международники Суслов и Пономарёв быстро перестроились и стали рассматривать Афганистан как ещё одну социалистическую – в близкой перспективе – страну. Он виделся им теперь второй Монголией, смело перешагивающей из феодализма прямо в социализм.

На первых порах энтузиастом строительства социализма в Афганистане оказался и начальник Первого главного управления КГБ СССР (советской внешней разведки) В. А. Крючков, хотя его шеф – председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов – занимал сдержанную позицию”.

В середине мая на совещании в ЦК по Афганистану произошла любопытная дискуссия. Подробности изложил сам её участник, заместитель министра иностранных дел Г. М. Корниенко:

“Хотя по всем меркам афганское общество было весьма далеко от социалистической стадии развития, людям, подобным Суслову, Афганистан виделся “второй Монголией”, перепрыгивающей из феодализма в социализм... Мне вспоминается, как в ходе одного из совещаний в ЦК КПСС по Афганистану я, выразив сомнение по поводу концепции “второй Монголии” применительно к Афганистану, заметил, что интересам Советского Союза вполне отвечало бы, если бы Афганистан, дай бог, стал для него своего рода азиатским вариантом нейтральной Финляндии. Это, как я считал, было бы максимально удобным вариантом и с точки зрения “проглатываемости” его Западом (на что достаточно прозрачно намекал нам З. Бжезинский, помощник президента США по делам национальной безопасности).

В связи с этим моим замечанием последовало недоумённое восклицание Пономарёва: “Как можно уподоблять Афганистан Финляндии? Ведь Финляндия – это буржуазное государство”. А на мой встречный недоумённый вопрос: “Неужели можно всерьёз считать Афганистан созревшим для социализма?” – поторопился ответить Р. А. Ульяновский (правая рука Пономарёва по странам “третьего мира”), который назидательно изрёк: “Сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма”.

Советское руководство наблюдало за развитием событий в Афганистане со смешанным чувством. С одной стороны, с прежним режимом были отличные отношения. Но с другой, “лучшее – враг хорошего”. Если целая страна “идёт в руки” – почему же отказываться? Ведь королевский режим, в конце концов, был реакционным, коррумпированным, средневековым и даже “примпериалистическим”. К власти в соседней стране пришла братская марксистская партия. Социалистическое содружество в перспективе могло пополниться ещё одним членом. Разве не показывал пример Монголии, как можно было миновать капитализм, прыгнуть в социализм и семимильными шагами двинуться к коммунизму?

“Не потерять Афганистан”

5 декабря 1978 года Тараки заключил в Москве 20-летний Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Советским Союзом, формализовав уже существовавшие отношения.

Поддержка вызывала большую вовлечённость: поднимались ставки – росло сопротивление – создавалась угроза возросшим ставкам – требова-

лась еще большая вовлечённость... Спираль закручивалась. Никто не решался сказать, что это движение надо остановить. Возрастала военная помощь режиму. Всё новые сотни, а потом тысячи военных советников отправлялись в афганскую армию. Новые и новые сотрудники КГБ появлялись в Афганистане, чтобы собирать информацию и сотрудничать с соответствующими афганскими органами. Шла помощь по линии партийных связей, организации органов пропаганды, печати, культурного строительства, экономики. Короче говоря, все советские структуры активно переносились в чужую страну, абсолютно не приспособленную к их восприимчивости. Уже была плата за всё это, уже были жертвы среди советского персонала.

И Тараки, и Амин не раз обращались с просьбой о помощи, о посылке советских войск в Афганистан.

Но была ещё грань, качественное различие даже между массированным присутствием советских советников во всех ипостасях и появлением боевых подразделений. Конечно, как и в любом нормальном государстве, предварительные мероприятия уже были проведены. В Средней Азии концентрировались советские войска и соответствующие транспортные средства. Это естественное дело военных: быть готовыми к неожиданностям, к любому развитию событий. Но что толкнуло советское руководство на авантюристическое политическое решение?

Ответ на этот вопрос, как представляется, комплексный и отнюдь не определяется и не ограничивается тем выводом, который содержится в постановлении Съезда народных депутатов СССР "О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года" от 24 декабря 1989 года: "Съезд народных депутатов СССР... считает, что это решение заслуживает морального и политического осуждения".

В сентябре 1978 года глухая оппозиция режиму вылилась в вооружённые выступления, которые стали приобретать массовый характер. Их энергично поддерживал в сотрудничестве с США Пакистан, а затем и Китай, Саудовская Аравия, Иран, Египет, Кувейт. На территории Пакистана стали действовать лагеря для подготовки повстанцев. Тысячи человек дезертировали из афганской армии, многие с оружием в руках. Политическая и этническая база режима сузилась из-за вспыхнувшей борьбы внутри НДПА. В августе 1978 года уже начались изгнания из органов власти парчамовцев, их аресты, пытки, расстрелы. Бабрак Кармаль был удалён из Революционного совета и "сослан" послом в Чехословакию, потом лишён и этого поста. Он попросил политического убежища в Чехословакии.

В марте 1979 года Хафизулла Амин стал премьер-министром и фактически возглавил министерство обороны. Он значительно усилил свои позиции, хотя Тараки по-прежнему сохранял другие важные посты. Борьба между ними достигнет кульминации к осени 1979 года, когда в стране сложится двоевластие. А пока "наверху" Афганистана делили посты и дворцы, в Герате 14 марта 1979 года восстали несколько полков регулярной армии. Были убиты советские специалисты и члены их семей. После первого успокоительного разговора с Москвой Тараки на следующий день, 18 марта, уже просил ввести в Афганистан советские войска и "ударить по Герату", "спасти революцию".

17, 18 и 19 марта 1979 года заседало Политбюро.

Лейтмотивом выступлений 17 марта звучало: "Мы ни в коем случае не можем потерять Афганистан". Всерьёз обсуждался вопрос о необходимости ввода войск. "Нам надо сформировать свои воинские части, разработать положение о них и послать по особой команде", – говорил А. Н. Косыгин. "У нас разработано два варианта относительно военной акции", – заявлял Д. Ф. Устинов. А. П. Кириленко, "подводя итог" и перечисляя шаги, которые предстоит предпринять, сказал: "... Пятое. Я думаю, мы должны согласиться с предложением Устинова относительно помощи афганской армии в преодолении трудностей, с которыми она встретилась, силами наших воинских подразделений". Устинов уже отдал приказ привести в готовность воздушно-десантную дивизию и быстро подтягивать к границе войска.

На совещании в МИДе А. А. Громыко вдруг разоткровенничался: "Поймите одно: если сегодня мы оставим Афганистан, то завтра нам, может быть, придётся защищать наши рубежи от мусульманских орд уже где-нибудь в Таджикистане или Узбекистане". (Отметим, что Громыко не любил и не принимал мусульман, а фундаментализм считал "мракобесием".)

18 марта в воскресенье утром Андропов, Устинов и Громыко встретились на подмосковной даче в Заречье и откровенно обсудили все “за” и “против” ответственного решения. “Против” было слишком много. Возможно, они связались с Л. И. Брежневым, который в субботу и воскресенье отдыхал в охотничьем хозяйстве Завидово. Большой и осторожный генеральный секретарь, видимо, не поддерживал решительных шагов.

На состоявшемся затем заседании Политбюро лейтмотивом прозвучали уже другие слова Андропова: “Мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск”. Вмешательство в Афганистане отбросило бы назад всё, что сделано для разрядки, отмечал Громыко. Устинов тоже выступил против ввода войск. А на следующем заседании 19 марта появился “сам” Брежнев и по бумажке зачитал, в частности, следующее: “... Не пристало нам сейчас (курсив мой. — А. В.) втягиваться в эту войну”. На следующий день Косыгин только повторил эту позицию прилетевшему в Москву Тараки. Афганскому лидеру организовали краткую встречу с больным Брежневым, и тот говорил ему те же слова.

Роковое решение было отложено, хотя словечко “сейчас” стоило бы запомнить.

В апреле на базе развернутой (на 11 страницах) записки Андропова, Громыко, Устинова и Пономарёва было принято постановление Политбюро (№ П/149 (XIV), где подтверждалась позиция не вводить войска. “Наше решение — воздержаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей, — говорилось в нём, — было совершенно правильным. Этой линии придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений, исключать возможности которых не приходится”.

В записке содержался трезвый анализ афганской ситуации, раскрывались ошибки кабульских лидеров и перечислялись неизбежные негативные последствия военного вмешательства.

А пока что грызня в руководстве НДПА усиливалась, повстанцы расширяли свои действия. Советская реакция на события была простой: вы, афганские лидеры, должны помириться, жить дружно и действовать сообща. В Москве просто не знали, что делать.

В начале лета 1979 года была создана Комиссия Политбюро по Афганистану формально во главе с Громыко. Её членам стали Андропов, Устинов и Пономарёв. Громыко, однако, старался держаться отстранённо от афганских дел.

“Не впутывайте меня в эти дела, — высказался он как-то в своём близком кругу, — сообщает Гриневский. — Революция пожирает собственных детей. Эту закономерность вывели французы ещё в XVIII веке. И мешать этому бесполезно.

Поэтому председательские функции Андрей Андреевич исполнял чисто формально. А афганские дела творились келейно. Андропов — Устинов; Андропов — Пономарёв. Громыко практически всегда соглашался со всем, что они решали. Потом это и утверждалось на заседании комиссии”.

В Кабул дважды летал Б. Н. Пономарёв. Более двух месяцев сидел в Афганистане заместитель министра обороны генерал И. Г. Павловский.

12 сентября 1979 года Тараки, возвращаясь в Кабул из поездки в Гавану, где он принял участие в VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, сделал остановку в Москве. Его тепло встречал Брежнев.

Когда Тараки вернулся в Кабул, период двоевластия заканчивался. Опираясь, прежде всего, на армию и органы безопасности, Амин резко усилил свое влияние. Попытки советского посла и представителей других ведомств “помирить” двух лидеров столкнулись с их увёртками. Тараки фактически сдал своих четырёх сторонников-министров, на отставке и аресте которых настаивал Амин, и трое из них укрылись в советском представительстве.

Политический приговор

14 сентября Тараки пригласил по телефону в свою резиденцию Амина. Опасаясь предательства, тот сначала отказался. Но Тараки сослался на присутствие в своём кабинете посла А. М. Пузанова и других советских представителей. Пузанов подтвердил это по телефону, фактически присоединившись к приглашению. В кабинете были представитель КГБ генерал-лейтенант

Б. С. Иванов и главный военный советник генерал-лейтенант Л. П. Горелов, а также переводчик Д. Рюриков.

Амина во дворе встретил адъютант Тараки подполковник Тарун и направился впереди всех на второй этаж. За ним шли Амин и его личный охранник. Перед входом в кабинет Тараки стоявшая там охрана открыла огонь. Тарун был изрешечён пулями, охранник Амина ранен, а сам Амин успел убежать и уехать.

Кто организовал покушение? Сам Тараки? Нерешительный и “бесхребетный” президент вдруг пошёл на крайние меры? Может быть. Его адъютант Тарун был личным другом Амина и как бы его агентом в окружении президента. Тараки, возможно, это знал и решил им пожертвовать?

Сам Амин организовал инсценировку покушения на себя через своих людей в охране Тараки? Может быть. Ведь он пропустил Таруна наверх, а сам шёл, прикрытый телохранителем.

Решительные сторонники Тараки, которые знали, что им нечего терять, так как Амин уже отдал приказ их схватить? Они решили действовать через своих людей в охране президента? Тоже может быть.

Категорический ответ на все эти вопросы не будет дан никогда.

Конкретные последствия были предсказуемы. Армия по приказу Амина окружила резиденцию президента, его охрана не сопротивлялась, два его телохранителя сдались и исчезли навсегда, Тараки был лишён связи с внешним миром.

На следующий день собрался ЦК НДПА. Тараки “единодушно” был исключён из партии, снят со всех постов. Президентом стал Амин.

Советское руководство официально поздравило Амина с назначением. Но Брежнев обратился к нему с требованием сохранить жизнь Тараки. Однако через несколько дней он был задушен, а семья заключена в тюрьму.

Обычные традиции восточной деспотии. . .

Потом советский посол Пузанов в афганском официальном документе был объявлен соучастником покушения на Амина и вынужден был отправиться в Москву, где и стал “просто пенсионером”. Его заменил бывший секретарь татарского обкома и член ЦК КПСС Фикрат Ахметжанович Табеев, которому предстояло пробыть на этом посту несколько лет.

До убийства самого Амина оставалось менее четырех месяцев.

Став неограниченным диктатором, Амин продолжал беспощадную чистку “парчамистов” и “халькистов” – сторонников Тараки в армии, органах безопасности, МВД, партии. Гражданская война продолжалась без особых успехов для той или иной стороны. Он чувствовал, что “советские товарищи” ему не доверяют, и рвался нанести визит в Москву, чтобы убедить “товарища Брежнева” в своей полной лояльности СССР. В Москву продолжали идти все новые просьбы о присылке войск, и СССР всё больше вползал в афганскую западню: в декабре прислали “мусульманский батальон” для “охраны” нового президента, батальон охраны на авиабазу Баграм.

А сам Амин (кстати, по совету “советских товарищей”) стал налаживать понимание с Пакистаном, отказываясь от крайних националистических требований. Он пытался добиться увеличения экономической помощи США и снизить накал напряжённости в отношениях с Вашингтоном. В некоторых вопросах он и его сотрудники сопротивлялись довольно бестактному вмешательству советских советников в афганские дела. Осуществлялись контакты с вождями племён, с влиятельными мусульманскими деятелями. Амин не знал, что таким образом он подкреплял растущее убеждение советского руководства в его “двуличии”, “неискренности”, мало того – в том, что он якобы был (или стал) прямым американским агентом. Кроме того, он когда-то учился в США и, значит, мог быть “завербован”.

В протоколе заседания Политбюро от 31 октября 1979 года говорилось:

“Совпосольству в Кабуле, Комитету госбезопасности СССР, Министерству обороны и Международному отделу ЦК КПСС изучать политику и практические действия Х. Амина и его окружения в отношении афганских интернационалистов, патриотов, а также кадров, прошедших обучение в Советском Союзе и социалистических странах; реакционного мусульманского духовенства и вождей племён; внешнеполитических связей Афганистана с Западом и в особенности с США, а также с КНР. При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х. Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны”.

Политический приговор Амину в Москве был подписан. Но как его осуществить? Стали собирать в кулак оппозиционные Амину “здоровые силы в НДПА” из выживших парчамистов во главе с Бабраком Кармалем и отстранённых от власти халькистов. Работу в этом направлении интенсивно вело КГБ. Но реальных возможностей у этих оппозиционеров не было. Самого президента Афганистана решили ввести в заблуждение, пригласить в Москву, не назвав срока визита.

“Молчит история”

Для поддержки переворота Устинов, Андропов, Громыко согласились на необходимость ввода в Афганистан советских войск. Проблема состояла в том, что начальник Генштаба маршал Советского Союза Н. В. Огарков, его заместитель С. Ф. Ахромеев, заместитель министра обороны И. Г. Павловский были против, и они до конца и аргументированно отстаивали свою точку зрения. Но, в конце концов, политические решения принимало Политбюро, и они обязаны были подчиниться.

12 декабря 1979 года на Политбюро было принято Постановление ЦК КПСС № 176/125. Оно звучало просто таинственно:

“Председательствовал тов. Л. И. Брежнев.

Присутствовали: Суслов М. А., Гришин В. В., Кириленко А. П., Пельше А. Я., Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Андропов Ю. В., Громыко А. А., Тихонов Н. А., Пономарёв Б. Н.

Постановление ЦК КПСС № 176/125 от 12/XII к положению в “А”

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев № 997 (1 л.)”.

Постановление было написано от руки К. У. Черненко.

“Но вот что интересно, – сообщает Гриневский. – Как мне удалось выяснить, в обсуждении мероприятий, предложенных этой могущественной “тройкой”, участвовали 22 человека, и ни один из них до сих пор не проговорился, что они обсуждали. Только много лет спустя помощник Генерального секретаря Александров рассказал мне под большим секретом, что эти мероприятия состояли из трёх главных блоков:

устранение Амина спецподразделениями КГБ, изложенное в самых общих чертах, без деталей; из доклада нельзя было понять, идёт ли речь об аресте или об убийстве Амина;

ввод советских войск в Афганистан для поддержки этой акции, на случай если в его защиту выступят верные Амину спецподразделения; после этого советские войска станут гарнизонами в крупных городах, высвободив афганскую армию для борьбы с повстанцами;

пропагандистское обеспечение этих двух акций.

Просил Александрова опубликовать эти воспоминания, но он категорически отказался.

– Почему? – удивился я.

– Вы что – не понимаете? Меня же убьют!

Андрей Михайлович умер; поэтому я свободен от данного ему обещания не писать об этом при его жизни”.

На том историческом заседании сам немощный Брежнев едва держался и немедленно покинул зал после принятия решения. Все члены Политбюро поставили свои подписи, некоторые – постфактум. Подписи Косыгина нет. Он был болен и на заседании не присутствовал.

Добавим к оценке этого решения мнение Корниенко:

“Насколько мне потом удалось реконструировать развитие событий, мучительные размышления “тройки” над проблемой – вводить или не вводить войска – продолжались в течение октября, ноября и первой декады декабря. 10 декабря 1979 года Устинов дал устное указание Генеральному штабу начать

подготовку к десантированию воздушно-десантной дивизии и пяти дивизий военно-транспортной авиации, повысить готовность двух мотострелковых дивизий в Туркестанском военном округе и доукомплектовать до полного штата понтонно-мостовой полк без постановки перед ними конкретных задач.

Но окончательное политическое решение о вводе советских войск в Афганистан было принято во второй половине дня 12 декабря 1979 года узкой группой советских руководителей: Брежневым, Сусловым, Андроповым, Устиновым и Громыко (упоминавшийся в некоторых публикациях Косыгин, по моим данным, не присутствовал – он в эти дни был в больнице). Начальник Генштаба Огарков просидел часа два в соседней комнате, его мнением не заинтересовались. Выйдя из комнаты, где шло обсуждение, Устинов сказал ему: “Решение принято. Поехали в Генштаб отдавать команды”. Об этом мне рассказывал сам Огарков.

Таким образом, роковое решение приняли даже не полным составом Политбюро ЦК КПСС, хотя затем задним числом было оформлено рукописное постановление Политбюро, на котором расписались почти все его члены. Однако подпись Косыгина на нём так и не появилась. Я думаю, это тоже сыграло свою роль в решении Брежнева отделаться от него при первом подходе.

Решающее значение для формального одобрения Брежневым предложений Устинова, Андропова и Громыко о вводе войск в Афганистан имел, я уверен, тот факт, что оно было поддержано М. А. Сусловым”.

Узнаем ли мы когда-нибудь правду? Лучше всего на этот вопрос ответил бывший начальник советской внешней разведки Л. Н. Шебаршин:

“Секретных документов, освещающих процесс принятия решения о свержении Х. Амина, создании правительства во главе с Б. Кармалем и вводе советских войск в Афганистан, в КГБ не существует. По рассказам моих друзей, немногие документы исполнялись от руки, в единственном экземпляре и были уничтожены по личному распоряжению Ю. В. Андропова. Не знаю, чем руководствовался Юрий Владимирович. Историкам афганской военно-политической кампании придётся довольствоваться самым ненадёжным материалом – официальными документами и свидетельствами очевидцев.

Не обнаружено таких документов и в Министерстве обороны. Когда занимавшиеся их розыском доложили об этом новому министру обороны Д. Т. Язову, тот не поверил. Но это факт: даже в досье Совета обороны ничего не найдено, кроме просьбы Устинова решить вопрос об оплате ратного труда ограниченного контингента советских войск, вступивших в Афганистан.

Не думаю, что такие документы могли сохраниться и в МИДе. Потому что если они туда и попадали, то только для личного ознакомления Громыко, и тут же забирались обратно. Во всяком случае, Шеварднадзе пробовал разыскать их, но безрезультатно.

Молчит история, не даёт ответа”.

“После смены власти в Кабуле 27 декабря 1979 года всем участникам этой операции было рекомендовано всё забыть, а документы оперативного характера уничтожить. Ликвидировал и я свои служебные записи, где не только по дням и часам, но и по минутам было расписано, как развивались события в Афганистане в декабре 1979 года”, – писал позже генерал-лейтенант В. А. Кирпиченко, проработавший много лет во внешней разведке.

После 12 декабря события развивались стремительно. Они настолько подробно описаны в воспоминаниях их участников, что мы ограничимся здесь лишь самым схематичным изложением.

Были сформированы и переброшены в Кабул спецподразделения КГБ “Зенит” и “Гром” – всего около 100 человек. ГРУ собрал “мусульманский батальон” – 500 военнослужащих, в основном, из жителей Средней Азии, одетых в афганскую военную форму. Он занял позиции якобы для “охраны” президента вокруг только что отстроенного на окраине Кабула дворца Амина – Таж-Бек – вместе с президентской гвардией, насчитывавшей 2,5 тысячи человек. Внутри помещения несли охрану родственники и доверенные телохранители Амина. Рядом с дворцом располагались зенитный и стрелковый полки. В Кабуле были две пехотные дивизии и танковая бригада.

План военного переворота разрабатывался настолько секретно, что главный военный советник генерал-полковник С. К. Магомедов узнал о нём лишь за несколько дней до начала операции, а посол – в день переворота. Соотношение советских и афганских сил в районе дворца было 1:15. Нужна была

внезапность, координация при условии парализации всех афганских средств связи. В случае срыва операции советские военнослужащие были обречены.

Амин 23 декабря был проинформирован о намеченном вводе советских войск. Он выразил благодарность советскому руководству и отдал распоряжение генштабу вооружённых сил Афганистана оказывать содействие вводимым войскам.

В 12:00 25 декабря 1979 года в войска поступило распоряжение, подписанное министром обороны Д. Ф. Устиновым, о переходе государственной границы в 15:00 25 декабря (время московское). Воздушно-десантные части в тот же день стали высаживаться на базе в Баграме. Сухопутные войска перешли пограничную реку. На следующий день и 27 декабря советские части “усилили” охрану важнейших объектов в столице.

В тот же день Амин устроил торжественный обед во дворце для членов Политбюро и министров с жёнами и торжественно произнёс: “Советские дивизии уже идут сюда. Всё идёт прекрасно”.

Вдруг сам Амин и его гости почувствовали себя плохо. Советский агент на президентской кухне подмешал в блюдо гостей специальный состав, который должен был к вечеру вывести людей из строя. Этот состав действовал раньше времени. Президент потерял сознание и лежал в коме. Срочно вызвали ничего не подозревавших советских врачей, которые сделали всё, чтобы привести в чувство главу “дружественного государства”. Его удалось спасти... на несколько минут.

В четверть восьмого вечера раздался мощный взрыв на севере Кабула – это подгруппа КГБ из “Зенита” подорвала колодец связи, отключив столицу от внешнего мира и прервав связь афганских военных частей с командованием и между собой.

Начался штурм дворца, внутри которого была личная охрана президента. Она отчаянно сопротивлялась. Сюда ворвались спецподразделения КГБ, а “мусульманский” батальон обеспечил непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта. В штурме участвовала и рота десантников.

Хафизулла Амин был убит, его труп завернули в штору и вывезли. В ходе перестрелки случайно был убит малолетний сын Амина, а его дочь ранена. Случайно погиб и один из советских врачей. Всего в спецгруппе КГБ непосредственно при штурме дворца погибли 5 человек, 17 были ранены. В “мусульманском батальоне” погибли 5 человек, ранены 35. У десантников погибли 9 человек, ранены – 35. Афганская сторона потеряла несколько сот убитыми. 1700 человек сдались.

Вечером того же дня Андропов связался с находившимся на связи в Баграме Бабраком Кармалем и поздравил его с назначением председателем Революционного совета ДРА.

Захват других ключевых объектов в столице прошёл с минимальными потерями. Начальник штаба Якуб сдался, но был застрелен афганцами-парчамистами, участвовавшими в операции.

Власть сменилась. Освобождённые из тюрьмы Пули-Чархи политзаключенные стали занимать высшие посты в государстве.

На следующий день в “Правде” было опубликовано “Обращение к народу” Бабрака Кармала: “После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников – диких палачей, узурпаторов и убийц. Разрушены бастионы деспотизма, кровавой династии Амина и его сторонников – этих наёмников мирового империализма во главе с американским империализмом”.

Этот бой был выигран. Советские офицеры и бойцы провели блестящую операцию и выполнили свой солдатский долг. Они верили, что избавляют афганский народ от тирана и американского агента, и рассчитывали скоро вернуться домой.

Война, в которую советское руководство втянуло свои вооружённые силы, продолжалась ещё почти десять лет и стоила советским людям ещё 13 тысяч жизней, если верить официальным цифрам потерь. Десятки тысяч были ранены, искалечены, сотни сгинули в афганском плену. “По прошествии многих лет ясно, что все наши жертвы в Афганистане, увы, были напрасными”, – писал генерал-лейтенант В. Кирпиченко, бывший первый заместитель начальника внешней разведки.

27 декабря 1979 года в 12 ночи представителю КГБ при органах безопасности Афганистана Л. П. Богданову позвонил заместитель Ю. В. Андропова, начальник Первого главного управления (внешней разведки) В. А. Крючков: “Надо дать указание замести следы”.

Все письменные планы операции, все журналы боевых действий были уничтожены.

Логика рокового решения

Логика принятия решения об интервенции имела несколько уровней. Первый из них — военно-стратегические соображения. В условиях глобальной конфронтации с США рассуждали так: “Если не мы, то они”. Если Афганистан — не наш союзник, то в случае победы прозападных сил — американский. Потеряв Иран, Вашингтон “должен” устремиться в Афганистан или сам, или через своего союзника — Пакистан. Не дать создать в Афганистане военные позиции Запада, может быть, даже его ракетные базы — такова была логика “оборонительной агрессии” Советского Союза, как назвала советское военное вмешательство лондонская “Таймс”.

В Западной Европе НАТО только что приняло решение разместить ракеты средней дальности, покрывающие европейскую территорию СССР (формально — в ответ на появление советских ракет средней дальности, именуемых на Западе “СС-20”). А вдруг такие же базы появятся в Афганистане? Подлётное время ракет “Першингов-2” — 6–8 минут. Даже военно-политическое руководство не успеет спрятаться в надёжные подземные убежища и сохранить свои бесценные, необходимые человечеству жизни в случае ядерного военного конфликта с применением такого оружия. А если в Афганистане будут такие же ракеты — не укрыться и в Сибири. Ни уровень афганской инфраструктуры, ни политическая невозможность для афганского руководства принять такого рода американское военное присутствие, ни процесс принятия решений в США — ничто не учитывалось. Химерическая идея уже приобретала самостоятельную жизнь, становилась политической реальностью.

“Комплекс 22 июня 1941 года”, то есть ситуации, в которой СССР оказался после нападения нацистской Германии, ещё сидел в головах советских руководителей.

Опасение “если не мы, то американцы” незаметно переплелось и с другой идеей, также вызванной конфронтацией, но на другом, чисто военном уровне. “Мы отстали от американцев на две войны. Они воевали в Корее и Вьетнаме, а мы нет, — говорили мне советские высокопоставленные военные. — Мы должны проверить в боевых условиях, “обстрелять” свои войска, прежде всего, офицерский корпус, проверить боевую технику и новые виды оружия. Нашим будущим министром обороны должен быть какой-нибудь генерал с боевым опытом и боевыми наградами”.

Мне представляется, что определенный вес имело и пропагандистское клише “интернациональный долг”, который был возложен на Советскую Армию. Ведь если бы в Афганистане установилась буржуазная военная диктатура, пусть “антиимпериалистическая” (антизападная) и “прогрессивная”, посылать свои войска для защиты её от внутренней оппозиции было бы нелепо. Но там были “свой”, “братская партия”, взявшая власть под знаменем марксизма-ленинизма, “верные последователи идей социализма”, “пламенные революционеры”. Нужно было лишь поддержать “здоровые силы” в партии. “Интернациональный долг” заключался в поддержке “братьев по классу”, которые собирались лепить Афганистан по образу и подобию “старшего брата”.

Поддержку этой точки зрения автор нашёл у прагматика и выдающегося дипломата Г. М. Корниенко:

“... из некоторых нюансов у меня возникло ощущение, что не только над Суловым, но и в той или иной мере над Андроповым, Громыко и Устиновым довлело, помимо вполне реальной заботы о безопасности Советского Союза в связи с перспективой замены просоветского режима в Кабуле проамериканским, и идеологически обусловленное ложное представление, будто речь шла об опасности потерять не просто соседнюю, а “почти социалистическую” страну, — писал он. — С этой точки зрения решение о вводе советских войск в Афганистан, на мой взгляд, было, скорее, кульминацией, а не началом нашего ошибочного, излишне идеологизированного курса в афганских делах

с апреля 1978 года”. (Хотя автор готов утверждать, что среди работников Международного отдела ЦК партии, не считая его руководства, сторонников интервенции не было, но их и не спрашивали).

Помощь афганским марксистам была, пожалуй, последним судорожным актом мифологизированной политики, попыткой претворить в реальность ещё одну мессианскую идею, заложенную в основание Советского государства. Ведь не афганские революционеры и не советское руководство действовали в тех обстоятельствах, а Их Величества Исторические Законы, которые предусматривают, что как день сменяет ночь, так и социалистическая формация сменяет капиталистическую. Пусть Афганистан и отсталая страна, в ней и капитализма-то нет, но “с братской помощью СССР” он может перескочить к социализму. Итак, социализм должен шагать по планете, что он и делает. Афганистан – лишь очередной пункт его победного марша. . .

И ещё несколько слов об идеологической составляющей решения об интервенции в Афганистан. Когда военный советник при афганском правительстве генерал-лейтенант Л. М. Горелов докладывал Д. Ф. Устинову о вооружённом восстании в Герате 14 марта 1979 года, маршал отдал ему приказ: “Поднимайте и вооружайте рабочий класс Афганистана!” Горелов ответил: “Слушаюсь!”

Дело не только в том, что в Афганистане не было рабочего класса, а в других странах он почему-то не спешил под коммунистические советские знамена. Дело в наивном, зашоренном видении мира, который существовал, кардинально менялся и развивался сам по себе, а догмы и закостеневшие убеждения в значительной степени определяли поведение кремлёвских старцев. Расплата была уже близка.

Никто из высших руководителей не представлял себе ни афганского театра военных действий, ни потенциальной реакции афганского населения, ни социальных условий. Никто не раскрыл даже советской “Военной энциклопедии”, в которой в первом томе, в статье “Афганистан”, рассказывалось о сложном рельефе местности и поражениях английских войск.

Никто не почитал историю собственной страны – сколько десятилетий требовалось Российской империи, чтобы покорить маленький Дагестан. А ведь Афганистан – это пятнадцать Дагестанов с более дикими и высокими горами, в которых в значительной мере теряется военно-техническое превосходство наступающей стороны в танках, артиллерии, даже в самолётах, вертолётах, а судьба войны решается в столкновениях сухопутных войск, часто – на уровне подразделений, где важнее традиционное оружие. Не вспомнили, что завоевание Северного Кавказа, где большинство населения было настроено враждебно к христианской России и “белому царю”, стоило русским войскам нескольких сотен тысяч жертв.

Все геронтократы, которые в этом участвовали, мертвы: Брежнев, Устинов, Андропов, Громыко, Суслов. Никто ничего уже не скажет. Документы пока не открыты или уничтожены. “Белая книга”, в которой были бы собраны все отчёты посольства, переписка с центром, не издана. Постановление Съезда народных депутатов от 24 декабря 1989 года № 982-1 г. носит декларативный характер, слишком о многом умалчивает. Некоторые публикации в советской печати, в частности, в “Комсомольской правде”, проливают на это дело кое-какой свет.

27 декабря 1990 года газета опубликовала материал, собранный Валерием Очировым, полковником, Героем Советского Союза, народным депутатом СССР. В Афганистане он служил в вертолётной эскадрилье смешанного авиаполка.

В этом материале приведён перечень просьб афганского руководства сентября – декабре 1979 года.

Упоминалась шифротелеграмма, из которой становится ясно, что долгое время Центр, несмотря на своих представителей в Кабуле, старался держаться от авантюры подальше.

“1. Признано целесообразным, считаясь с реальным положением дел, как оно сейчас складывается в Афганистане, не отказываться иметь дело с Амином и возглавляемым им руководством. При этом необходимо всячески удерживать Амина от репрессий против сторонников Тараки и других неугодных ему лиц, не являющихся врагами революции. Одновременно необходимо использовать контакты с Амином для дальнейшего выявления его политического лица и намерений.

2. Признано также целесообразным, чтобы наши военные советники, находящиеся в афганских войсках, а также советники органов безопасности

и внутренних дел оставались на своих местах. Они должны исполнять свои прямые функции, связанные с подготовкой и проведением боевых действий против мятежных формирований и других контрреволюционных сил. Они, разумеется, не должны принимать никакого участия в репрессивных мерах против неугодных Амину лиц в случае привлечения к этим действиям частей и подразделений, в которых находятся наши советники.

15.09.79 г. Громыко”.

Но и нажим на Москву афганского руководства и наших кабульских представителей, не подозревавших, что решение о вводе войск уже фактически принято, возрастал.

“12 и 17 декабря представитель КГБ встречался с Х. Амином. Из высказываний Амина заслуживают внимания следующие.

Амин настойчиво проводил мысль о необходимости непосредственного участия Советского Союза в сдерживании боевых действий бандформирований в северных районах ДРА. Его рассуждения сводились к следующему:

– нынешнее афганское руководство будет приветствовать присутствие Советских Вооруженных Сил в ряде стратегически важных пунктов в северных провинциях ДРА;

– Амин сказал, что формы и методы оказания военной помощи должны определяться советской стороной:

СССР может иметь воинские гарнизоны в тех местах, в которых сам пожелает;

СССР может взять под охрану все объекты афгано-советского сотрудничества;

советские войска могли бы взять на себя охрану коммуникаций ДРА. . .

17.12.79 г. Представитель КГБ”.

На уровне экспертов вопрос, вводить или не вводить войска, вообще не прорабатывался. Как может судить автор на основе бесед в различных ведомствах, мнение всех без исключения экспертов было однозначно – не вводить. Их просто никто не спросил.

(В день объявления о вводе войск я дежурил в редакции газеты “Правда” вместе со своим коллегой Ю. Глуховым, у которого за плечами было несколько лет работы в советском посольстве в Кабуле. Мы оба, не сговариваясь, почти в деталях предсказали развитие событий не потому, что мы были такими “умными”. Для специалиста последствия были очевидными. Не нужно было обладать даром ясновидения. В тот же вечер я поймал за пуговицу в коридоре редакции главного редактора “Правды” академика Виктора Григорьевича Афанасьева и поделился с ним своими соображениями. “Вы лучше никому их не высказывайте”, – холодно посоветовал он, стряхивая пепел с сигареты. Он просто давал мне дружеский совет. Спустя два года из “Правды” был изгнан собственный корреспондент в Кабуле Леонид Миронов, который осмелился – не в корреспонденциях, не на страницах газеты, а в узком правдинском кругу на партийном собрании журналистов-международников – высказать осторожные сомнения по поводу советской политики в Афганистане. На него написала донос участвовавшая в собрании бывшая сотрудница редакции, и руководство “Правды” вынуждено было перевести его на другую работу за “недостаточную политическую зрелость”. В почёте были те, кто, не колеблясь, чёрное выдавал за белое и бессовестно врал).

Монополия ПБ ЦК КПСС

Монополия узкой группы членов Политбюро на принятие решений была такова, что ни Верховный Совет, ни даже ЦК не участвовали в этом процессе.

Важная роль в принятии решения принадлежала лично Леониду Брежневу. И дело не только в тех объективных факторах или дезинформации, которые его подталкивали в этом направлении. Он по-человечески был оскорблён, уязвлён убийством Тараки. Как так! Человек, которого он только что принимал, человек, который воплощал в себе продолжение великого дела Ленина, убит. Как посмел это сделать какой-то Амин?!

Любопытно, что эта гипотеза, высказанная автором, была подтверждена в беседах с деятелями, стоявшими около тех, кто принимал решения. А потом появились и воспоминания главного “кремлёвского врача” Е. И. Чазова,

который писал: “Брежнев, несмотря на снижение способности критического восприятия, бурно переживал это событие. Больше всего его возмущал тот факт, что только 10 сентября, незадолго до этих событий, он принимал Тараки, обещал ему помощь и поддержку, заверял, что Советский Союз полностью ему доверяет. “Какой же это подонок – Амин: задушить человека, с которым вместе участвовал в революции. Кто же стоит во главе афганской революции? – говорил он при встрече. – И что скажут в других странах? Разве можно верить слову Брежнева, если все его заверения в поддержке и защите остаются словами?”

Приблизительно в таком же духе, как говорил мне Андропов, Брежнев высказывался в его присутствии и в присутствии Устинова. Вряд ли эти замечания Брежнева сыграли роль катализатора вторжения в Афганистан, но то, что события, последовавшие за убийством Тараки, и потеря доверия к Амину со стороны Брежнева и его окружения сыграли роль во вводе войск в Афганистан, нет сомнения. Именно после этих событий началась подготовка к вторжению”.

Какова была роль остальных кремлёвских долгожителей?

Не думаю, чтобы осторожный А. А. Громыко был за это решение. Но он не мог нарушить кремлёвский принцип – никогда не перечить боссу. И, в конце концов, разве опыт Чехословакии или Эфиопии не был успешным? Разве горы в Афганистане выше, чем в Чехословакии? О том, что они выше, он вряд ли задумывался.

Ю. Н. Черняков*: Громыко, видимо, понимал, что происходило с Афганистаном. Конечно, он бы выступил против ввода войск, если бы мог. Но он знал, что тогда на следующий день он уже будет никем, а вместо него придёт другой. Внутренне Громыко был против.

Е. Д. Пырлин**: Насколько я знаю, Устинов, конечно, подталкивал Брежнева на решение о вмешательстве. В Министерстве обороны многие считали, что армия должна обстреляться. Соколов, когда стал министром, считал, что даже хорошо, что есть афганская война, вся армия должна пройти через Афганистан. Громыко никогда не перечил Брежневу. Если Брежнев принимал решения, он играл под него. Кроме того, Громыко был уже стар. В Чехословакии все было “удачно”. Какая разница?

Ан. А. Громыко***: Чтобы определить ответственность каждого за принятые решения, надо поднять документы тех лет. Во всяком случае, ни одно дипломатическое ведомство, по своей сути, не заинтересовано в том, чтобы разразился военный конфликт. У Брежнева был всплеск личных эмоций после убийства Тараки Амином. Но были ещё и доклады, которые представлялись и в ЦК КПСС, и в КГБ, и в Министерство обороны. Из того, что я слышал от отца, я совершенно чётко для себя делал вывод, что после падения шахского Ирана возникла опасность перенесения американцами своей основной базы, направленной против наших объектов на юге, в Афганистан.

Автор: Я просто хотел бы уточнить: американских военно-воздушных, ракетных и других баз в Иране не было совсем. В Северном Иране располагались крупные базы электронной разведки. В Иране находились большие склады оружия и около 40 тысяч советников. Там создали инфраструктуру для возможного развёртывания американских войск, но американских баз как таковых в Иране не было.

Ан. А. Громыко: В любом случае понималось так, что “советники” – эвфемизм для обозначения довольно значительного американского военного присутствия. Это угрожало безопасности Советского Союза на южных границах. В Иране находились мощные американские военные базы. Американцы их потеряли. Но то, что советское руководство так долго не хотело использовать военную силу в Афганистане, объясняется нежеланием впутываться в этот конфликт. Если вдруг произошёл столь внезапно поворот и было принято решение всё же вмешаться, здесь, очевидно, большую роль сыграли эмоции

* Черняков Юрий Николаевич (1918–2004) – советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Сирийской Арабской Республике 1977–1979. Автор ряда книг и статей по международным отношениям.

** Пырлин Евгений Дмитриевич (1932–2001) – советский и российский дипломат, востоковед.

*** Громыко Анатолий Андреевич – известный советский и российский учёный-международник и африканист.

Брежнева. Не один Брежнев, конечно, принимал это решение. Сложилось, очевидно, коллективное мнение, которое принималось в органе, единственном тогда самым высшем органе по принятию внешнеполитических решений.

Автор: Я предполагаю, что Афганистан спас нас от вмешательства в Польшу в начале 1980-х годов.

Ан. А. Громыко: Я думаю, конечно, что горькие уроки Афганистана остудили всех в Москве.

(Е. М. Русаков*: Это не так. Спасли от катастрофы Ю. В. Андропов и, особенно, В. Ярузельский. Они понимали, что в бой может вступить Войско Польское. Да и НАТО – за забором. А это не Амин с его телохранителями во дворце в Кабуле.)

Автор: Анатолий Андреевич, а вам не кажется, что по Афганистану, как и по другим направлениям, мнение экспертов не учитывалось?

Ан. А. Громыко: С одной стороны, конечно, не учитывалось, а с другой – они и не стремились доложить его “наверх”. В научных институтах проводились ситуационные анализы, в которых, в общем-то, высказывалось мнение, что Афганистан мог бы стать американской ракетной базой.

Роль Ю. В. Андропова. Царедворец или выдающийся лидер?

Роль Андропова остаётся таинственной. Неужели он не мог просчитать шахматную партию на два-три хода вперёд? Определённый свет на его поведение проливают слова Б. Н. Пономарёва, оброненные в беседе с автором: “Да ведь Бабрак Кармаль был на крючке у чекистов. Ведь он именно на Лубянку к Андропову заходил, когда его сослали в Чехословакию”.

Не исключено, что над Андроповым довлел его венгерский опыт 1956 года – успешное подавление антикоммунистического, антисоветского восстания и подбор на пост лидера Венгрии сильной и гибкой фигуры Яноша Кадара, чтобы обеспечить, как тогда казалось, успех достаточно либерального коммунистического режима в Венгрии, сохранившего преданность СССР.

Андропова и сотрудники КГБ, и работавшие с ним дипломаты характеризовали как человека выдающегося. Но именно поэтому (до прихода к власти) в рамках Политбюро, членом которого он стал в 1973 году вместе с Устиновым и Громыко, он должен был играть роль осторожнейшего царедворца, который “не высовывается”.

Он не должен был вызывать подозрений ни у впадающего в маразм Брежнева, ни у политической старости и серости – остальных членов Политбюро (автор к таковым не относит Устинова и Громыко). Иначе его бы просто съели “товарищи” по высшему партийному и государственному органу. Возможно, ему была бы уготована роль российского Дэн Сяопина, но он “опоздал”: его собственные болезни не позволили сделать это. А пока... (Е. Д. Пырлин: “Ему бы раньше прийти к власти! Опоздал... Он бы осуществлял то же самое, что пытаются делать сейчас, но умнее, последовательнее, не бросался бы из стороны в сторону, не развалил бы страну. Ведь с самого начала он взял за одно из главных для нас дел – за дисциплину. Это соответствовало настроениям людей: навести порядок. Опоздал, опоздал... Любопытно, что он сталинские годы прошёл незамаранным... Старик Шепилов – это опять утерянный шанс. Его и выбросили из руководства, видимо, потому, что он слишком выделялся”).

Долгие годы находясь на острие конфронтации с США, черпая сведения, то есть информацию и дезинформацию, от своих разведчиков, Андропов всерьёз поверил, что устранение Амина и ввод советских войск в Афганистан не позволит превратить его в американского союзника. Его личная ответственность за то роковое решение не вызывает сомнений.

Е. М. Русаков: У. Черчилль в 1939 году назвал Советский Союз сталинской эпохи “непостижимой головоломкой, завёрнутой в тайну загадки”. То же самое можно сказать и о решении направить советские войска в Афганистан. Правда, известны главные действующие лица этой “загадки”: Брежнев, Андропов, Устинов, Громыко, Суслов. Не имеет существенного значения, кто, кроме работников Генштаба, был против такого решения. Постфактум почти все оказались “против”. Как говорят американцы, у победы всегда много “родителей”, а поражение остаётся “сиротой”.

* Русаков Евгений Максимович – бывший сотрудник ПГУ КГБ СССР.

Первоначально и советское руководство неоднократно отвергало просьбы афганских лидеров о посылке войск.

Что же случилось? Почему наверху изменились настроения? Скорее всего, это была совокупность разных факторов, которые и создали кумулятивный эффект.

Автор: То есть вы согласны, что сплелись в одно и опасение (ошибочное), что Амин переметнулся к американцам и собирается “увести с собой Афганистан”, а страна станет союзником США, и там появятся американские ракетные базы, и личная обида Брежнева из-за убийства Тараки, и возможность “размять” наращенные военные мускулы, и уверенность в краткосрочности операции...

Е. М. Русаков: В целом, так. Правда, специалисты утверждали, что имелись достаточно убедительные доказательства предательства Амина. Но это не снимает вопрос о том, нельзя ли было найти другое решение этой проблемы, менее чреватое далеко идущими последствиями. К примеру, “перевековать” Амина и доложить Леониду Ильичу, что тот раскаялся и стал на путь исправления. Что касается ракетных баз в Афганистане, то, действительно, американцев гораздо больше интересовало размещение ракет средней дальности “Першинг-2” в ФРГ (насколько я понимаю, Сибирью они не озаботились).

Автор: Как, по-вашему, принималось это злополучное решение о вводе войск в Афганистан?

Н. Г. Егорычев*: Мне кажется, что решение принималось в очень краткие сроки, в значительной мере импульсивно, без достаточной проработки, с уверенностью, что у нас силы есть, мощь есть – и мы наведём порядок. Но оказалось всё гораздо сложнее. Что послужило причиной принятия такого решения? Я думаю, что амбиции Генерального – в первую очередь. Он был человек недалёкий, старый, немощный. Вы помните, был такой эпизод, когда Тараки, возвращаясь из Гаваны, остановился в Москве. У него состоялась очень тёплая встреча с Брежневым. Всё это показывали по телевидению, в киножурналах, как они целовались, как они приветствовали друг друга. Тараки вернулся в Афганистан, и его там свергли и затем убили. Брежнев это воспринял как личную обиду. “Как же так? Какой-то там Амин не посчитался с таким великим человеком, как Брежнев? Куда же наши смотрели? Кого вы там поддерживаете? Сколько надо человек? Полсотни тысяч? Устинов! Митя! Двигай, наведи порядок!” Митя не знал Афганистана. Лёня не знал Афганистана. Но они уже предрешили вмешательство. Под это начали беспринципно подводить политику.

Автор: Как посольство на это реагировало?

Н. Г. Егорычев: Дипломаты, которые находились в посольстве, понимали обстановку и высказывались против вмешательства. Их не спросили.

Автор: Там были хорошие эксперты, я многих знал лично.

Н. Г. Егорычев: Когда я был в Афганистане, я с ними работал в постоянном контакте. Многие уже по второму, по третьему разу были в Афганистане. Мы с ними проводили очень много обстоятельных бесед, и я верил: эти эксперты действительно понимали, что нельзя было вводить войска, но их мнение не учитывалось. Роль других организаций? Насколько мне известно, военные с большой неохотой приняли это решение.

Я имею в виду серьёзных военных, Генеральный штаб, в первую очередь. Устинова я не считаю военным, поскольку он как министр был инородным телом. Он, скорее, был политик, но и политик неглубокий... Андропов был очень осторожный человек. Громыко тоже очень осторожный человек, хотя никогда не мог идти против течения. Может быть, это была его ошибка. Может быть, у него были другие ходы в запасе. Мне трудно сейчас сказать. Я не верю, чтобы он так беспринципно вступил в эту игру. Что-то я пока в его позиции не понимаю.

Комиссия Верховного Совета СССР не добралась до истины. Посмотрим, что скажут историки, когда будут открыты все документы... Мы сейчас пытаемся всю вину взвалить на военных. Я с этим не согласен. Военные сделали значительную часть того, что они обязаны были сделать. Они охраняли коммуникации, дороги, аэродромы, они встали гарнизонами по всем крупным городам. Они сумели создать условия, в которых могла укрепиться новая власть.

---

* Егорычев Николай Григорьевич (1920–2005) – видный советский государственный и партийный деятель, секретарь Московского горкома КПСС (1962–1967). Посол в Дании (1970–1984), посол в Афганистане (февраль–ноябрь 1988).

Они помогли создать армию, обучили её. Большого от военных мы и не можем требовать. Но военные не могут укреплять строй политический. Сидеть на штыках невозможно. А вот политики далеко не всё сделали. Все рассуждали о “революционной ситуации”, как развивать революцию. Особенно увлекались рассуждениями у Пономарёва, в его аппарате. Это нанесло большой вред.

Мы перенесли на землю Афганистана наши методы, которые и у нас не работают. Они (с нашей подачи) по мелкому капиталисту там ударили, по торговцу. Потом стали исправлять. Наши партийные советники там были; среди них были хорошие ребята, честные, добросовестные, толковые, смелые. Но они же не понимали условий.

Автор: Если даже предположить, что какой-нибудь честный второй секретарь обкома приезжал советником в какую-нибудь афганскую провинцию и давал рекомендации, то ничего, кроме вреда, он не мог принести. Вы согласны с этим?

Н. Г. Егорычев: Не совсем, не до конца. Мы их всегда предупреждали: пожалуйста, не вмешивайтесь. Мы их просили не давать советов, а давать мне, в посольство, настоящую информацию о том, что происходило там, в провинции. Афганцы наломали дров с религией, а потом товарищ Наджиб высказывал такое мнение, что в связи с полётом афганца в космос надо бы построить в Афганистане мечеть. Но у них нет таких возможностей. Не можем ли мы? Мы даже его информацию в очень осторожной форме передавали в Центр. Но Центр не отреагировал.

Нужен ли был СССР Персидский залив?

Ситуацию в Афганистане советское руководство не просчитало. Не смогло предвидеть реакцию Запада, мусульманского мира, Китая. Доверия к советскому руководству на Западе не было.

Неоконсерваторы, приходившие к власти в одной стране Запада за другой, выступали за жёсткость по отношению к СССР. Позиции президента США Картера были подорваны иранской революцией, советскими и кубинскими действиями в Африке. Ось политической жизни в США по внутренним причинам смещалась в сторону большего консерватизма. Разрядка и до Афганистана шла под откос. Было принято решение разместить в Западной Европе ракеты средней дальности. Афганистан сам по себе был не столь важен. А что, если завтра Советский Союз прорвётся к Персидскому заливу?

Советник президента США Картера по национальной безопасности З. Бжезинский на следующий день после ввода 40-й армии в Афганистан положил на стол шефу записку. Суть её сводилась к тому, что Советский Союз вот-вот выйдет к “тёплым морям”, то есть к Персидскому заливу с его нефтью. Нужно всеми возможными средствами помогать вооружённой афганской оппозиции. Если “прорыв к тёплым морям” был пропагандистским бредом, то задача втянуть Советский Союз в свой “Вьетнам” и заставить его за это дорого заплатить была, увы, реалистичной.

“Было желание продвинуться к тёплому Индийскому океану или нет? – рассуждал профессор Ю. В. Ганковский. – Продвигаться в сторону океана можно только через Белуджистан. Но мы сдерживали белуджей. Но по той информации, которой я располагал и которую я могу оценивать, разговоры о нашем желании продвинуться к Индийскому океану мне представляются несостоятельными”.

Автор: Было ли при принятии решения о вводе войск подспудное намерение приблизиться к Персидскому заливу?

Н. Г. Егорычев: Я нигде не видел подтверждения этой мысли – ни в каких документах, ни в письменной, ни в устной форме, ни в беседах с афганскими руководителями, ни в беседах с нашими руководителями.

Автор: Но есть одна опасная вещь в политике: мы сами ничего не планируем, в задачи наши это не входит, но наши действия таковы, что они не могут интерпретироваться другими иначе, чем так, как они выглядят для наблюдателей со стороны. Пример тому в Европе вы знаете. Если мы не собирались “проутюжить” Европу танками до Атлантики, то зачем мы имели в Европе тройное превосходство в танках? Вы понимаете меня?

Н. Г. Егорычев: Конечно.

Автор: Точно так же в отношении Афганистана. Мы приближаемся к Персидскому заливу. Персидский залив – это нефть, кровь всей экономики Запада. И говорим: нет, нам Персидский залив не нужен. А вы на месте американцев, японцев и англичан как бы объясняли наши действия?

Н. Г. Егорычев: У американцев и у других могли возникать мысли, что в дальнейшем такая угроза может быть. Но я нигде не получал подтверждений, что подобные планы у нас существовали.

Автор: Да. Но если вы политик, вы обязаны учитывать реакцию других на ваши действия.

Н. Г. Егорычев: Запад с самых первых дней ввода наших войск начал выдвигать против нас этот аргумент. В то время таких политических и военных задач мы не ставили, но объективно наши действия могли пугать ту сторону. У них были для этого основания.

Автор: Вы считаете правильным тезис, будто СССР угрожало появление американских ракет в Афганистане накануне ввода наших войск?

Н. Г. Егорычев: Нет, я не принимаю этого тезиса. Во-первых, американцы после Вьетнама никуда бы в тот момент вообще не полезли. Во-вторых, они – прагматики и не стали бы вкладывать средства и политический капитал в Афганистан. Нам тоже нельзя было этого делать.

Автор: Я всё же считаю, что афганская эпопея сыграла трагическую, но великую роль. Как Афганистан был следствием якобы удачного вмешательства в Чехословакию в 1968 году, так наши трудности в Афганистане спасли нас от большей трагедии в Польше.

В то время для Китая “советизированный” Афганистан казался угрозой – обход Китая с фланга и давление на дружественный ему Пакистан. Предполагаемый “прорыв” к Персидскому заливу дал бы Советскому Союзу существенные стратегические преимущества и по отношению к Китаю. Поэтому в число трёх условий нормализации отношений с СССР Пекин поставил не только вывод советских войск из Монголии, вьетнамских – из Камбоджи, но и советских – из Афганистана. Китай стал активно поддерживать вооружённую афганскую оппозицию. А тем временем нарастало китайско-американское сотрудничество, направленное против СССР. Дипотношения между странами были восстановлены в декабре 1978 года, а в январе 1980 года в Китае побывал министр обороны США Г. Браун. Стороны договорились “о сепаратных, но временно установившихся действиях против СССР в Афганистане”.

Для мусульманского мира действия атеистической коммунистической державы – СССР – были агрессией против мусульманской страны на подступах к Персидскому заливу. А ведь далее лежит Саудовская Аравия не только с её нефтяными богатствами, но и со святынями ислама – Меккой и Мединой. На юге Аравии укрепился марксистский режим. В Эфиопии “коммунисты” пришли к власти. Так виделась ситуация из Эр-Рияда и других мусульманских столиц. Поэтому естественной была не только их отрицательная политическая реакция на действия Советского Союза, но и финансовая, и военная помощь вооружённой афганской оппозиции.

В поисках выхода

Введя войска в Афганистан, СССР столкнулся с враждебным, готовым на длительную партизанскую войну населением, получавшим военную, материальную, финансовую и другую поддержку практически со всего мира. Многим в советском руководстве становилось ясно, что военный разгром оппозиции – дело нереальное.

Ю. В. Ганковский: Когда пребывание советских войск в Афганистане затянулось и не ограничилось несколькими неделями, тогда и попытались анализировать ситуацию. Уже в 1980 году в Афганистане один за другим побывали видные советские военачальники. Единодушный вывод был – военного решения нет. Что сделал Устинов? В начале 1981 года он написал докладную записку в Политбюро, в которой заявил, что нет военного решения. На этом документе нет ни одной пометки. Я его читал. “Ходить бывает склизко по камешкам иным”. Этот документ ушёл в архив, его как бы не было.

“Убедившись в течение первого года, что присутствие и военные действия нашей армии в Афганистане не способствуют ни стабилизации обстановки в стране, ни консолидации дружественного нам режима, из Афганистана надо было уходить, – писал В. Кирпиченко. – Ни трезвости, ни мужества,

ни дальновидности в этом вопросе советское руководство не проявило, хотя некоторые наши военачальники и политики хорошо понимали ситуацию.

На регулярных совещаниях, где обсуждалось развитие обстановки в Афганистане и на которых я присутствовал, маршал С. Ф. Ахромеев, ныне покойный, генерал армии В. И. Варенников говорили вполголоса: “Поймите, ведь советская армия воюет с народом, и никакой победы в Афганистане быть не может!”

Приняв ошибочное решение, кремлёвские лидеры хотели бы пустить события на самотёк. Они уже не могли предпринимать никаких действий, делая вид, что ничего особенного не происходит, повторяя одни и те же формулировки-заклинания, посылая по инерции для участия в ненужной для Советского Союза войне своих молодых граждан в военной форме, расходуя миллиарды рублей, счёта которым не знали.

Бабрак Кармаль оказался слабым лидером. “На протяжении многих лет мне пришлось с ним (с Б. Кармалем. — А. В.) встречаться, — пишет Чазов. — Это милый, приятный, интеллигентный человек, начитанный, с которым интересно поговорить, тем более что он прекрасно знает английский язык. Но он рафинированный интеллигент, лишённый организаторского таланта, не способный повести за собой людей, вселить в них веру в пропагандируемую идею. Каждый раз, когда я с ним встречался, он выглядел растерянным, подавленным свалившейся на его плечи ответственностью. У меня было такое впечатление, что, изолированный в своём дворце, он не знает, что делать, как выйти из создавшегося положения. Он начал злоупотреблять алкоголем, появились изменения со стороны печени, и нам пришлось строго его предупредить о необходимости соблюдения режима. Он соглашался, но, по-моему, продолжал вести прежний образ жизни. Я предупредил Андропова, который опекал и поддерживал Кармалю, что если тот не прислушается к нашим рекомендациям, то всё может кончиться печально”.

Борьба между “парчамовцами” и “халькистами” продолжала разрывать партию и армию. А вооружённая оппозиция, подпитываемая деньгами, оружием, кадрами, добровольцами-исламистами из десятков стран, укреплялась и расширяла территорию своего контроля.

Ю. В. Андропов лично, с соблюдением всех мер предосторожности, слетал в Кабул.

Чуть забегаая вперёд, заметим, что потери советской авиации возросли после 1986 года, когда США открыто стали поставлять моджахедам “стингеры” — усовершенствованные ракеты “земля-воздух”.

Советское руководство, словно опомнившись, искало политического решения. Но надежды на то, чтобы вывести войска, сохранив дружественный режим, — хотя бы в том же виде, хотя бы в форме коалиции, — были нереальными. США не хотели выпускать СССР из афганского капкана, поэтому все договоренности с Пакистаном или через ООН, готовые на 95 процентов, остались на бумаге. Но уходить было необходимо.

“О том, что Андропов, ставший в ноябре 1982 года первым лицом в партии и государстве, созрел для такого решения, я судил, в частности, по его беседе с генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльярром 28 марта 1983 года, — пишет Корниенко. — Советский лидер не просто сказал ему о своём стремлении к мирному решению афганской проблемы, а откровенно перечислил пять мотивов, по которым он считал это необходимым. Загибая пальцы на руке, Андропов говорил, что сложившаяся ситуация наносит серьёзный ущерб отношениям Советского Союза, во-первых, с Западом; во-вторых, с социалистическими странами; в-третьих, с исламским миром; в-четвёртых, с другими странами “третьего мира”; наконец, в-пятых, она весьма болезненна для внутреннего положения СССР, для его экономики и общества”.

Что ж, всё правильно. Но разве наш “выдающийся” лидер не знал всех этих аргументов, когда голосовал за злополучное решение?

После смерти Андропова 9 февраля 1984 года продолжалась закулисная работа по афганскому урегулированию.

На скорейшем выводе советских войск настаивал и маршал С. Ф. Ахромеев, и первый заместитель министра иностранных дел Г. М. Корниенко. Они считали, что без советской военной поддержки НДПА власть не удержит и заранее надо создавать какое-то коалиционное правительство. Э. А. Шеварднадзе (министр иностранных дел) и В. А. Крючков настаивали на предварительном укреплении НДПА, чтобы он удержался и после вывода советских войск. М. С. Горбачёв колебался. Корниенко, не сработавшегося с Шеварднадзе,

перевели первым заместителем заведующего Международного отдела ЦК, который тогда возглавлял А. Ф. Добрынин.

В мае 1986 года слабого Бабрака Кармалю сменил в качестве афганского лидера пуштун Мухаммад Наджибулла, который был “избран” президентом Афганистана в 1987 году. Но война продолжалась. Тянулись переговоры с США, Пакистаном, афганской оппозицией.

8 февраля 1988 года М. С. Горбачёв объявил конкретную дату начала вывода войск – 15 мая 1988 года, чтобы завершить его в течение 9 месяцев. Были подписаны соответствующие Женевские соглашения, выполнять которые ни США, ни Пакистан, ни Альянс семи, возглавлявший вооружённую оппозицию, не собирались. Вскоре и Корниенко, и начальника Генштаба Ахромеева “ушли” в отставку. Оба были слишком самостоятельными и неудобными для тандема Горбачёва-Шеварднадзе.

Вывод советских войск был завершён 15 февраля 1989 года, когда командующий 40-й армией генерал-полковник Б. В. Громов последним пересёк границу на мосту через Аму-Дарью. Никто из высшего советского руководства не прибыл на их встречу. Режим Наджибуллы подпитывался из СССР и существовал до 1992 года. Но помощь ему уже была полностью прекращена Б. Н. Ельциным с 1 января 1992 года.

Когда моджахеда заняли Кабул, Наджибулла укрылся в миссии ООН, где оставался несколько лет.

Немедленно начались бои между различными группировками оппозиции. Для российских дипломатов оставаться в Кабуле стало невозможно, на территорию посольства падали тяжёлые снаряды. Для эвакуации состава посольства и всех российских граждан были присланы три военно-транспортных самолёта Ил-76. В первых двух под огнём афганцев вылетели 167 россиян, включая женщин, и почти три десятка сотрудников других посольств. Основной состав дипломатов вместе с послом Е. Д. Островенко и его женой должны были лететь третьим бортом, который был поражён ракетой и загорелся. Члены экипажа и десантники охраны успели покинуть горящий самолёт. Все остались живы. Пустой самолёт взорвался. 66 человек провели сутки в бункере аэропорта.

Посол Островенко выехал в горящий и стреляющий Кабул, переговорил с исполняющим обязанности президента страны Бурханудином Раббани и в МИДе, получил ничего не стоившие гарантии безопасности. Представитель лидера группировки Национальное исламское движение Афганистана узбек Абдуррашид Дустум выделил три моторных самолёта АН-36. На них вылетели 29 августа в Мазари-Шариф 66 человек, в том числе посол с женой. Отсюда на автобусах все добрались до Узбекистана.

В 1996 году власть захватило радикальное исламистское движение “Талибан”. Игнорируя международный статус миссии ООН, туда ворвались вооружённые талибы, они схватили, пытали, затем убили Наджибуллу, а его тело повесили на площади.

Многострадальной стране предстояло пережить новые акты трагедии.

* * *

Афганистан, казалось бы, стал далёким для России государством. Между ними лежат тысячекilометровые расстояния и обширные территории Казахстана, Таджикистана, Киргизии. После захвата Афганистана талибами в Москве в 90-е годы о нём постарались забыть. Не удалось. Дело было не только в том, что в российском обществе всё ещё кровоточили раны той войны. Угрозы, исходящие из Афганистана, могли дестабилизировать бывшие советские среднеазиатские республики и перекинуться на Казахстан и непосредственно на Россию. Поэтому после 11 сентября 2001 года операция США вместе с их натовскими союзниками против талибов была поддержана Москвой. Вооружённые формирования Северного альянса, прежде всего, таджиков и узбеков, снабжённые Россией и Ираном, взяли Кабул до прихода американцев. Предоставление транспортных коридоров через Россию для войск НАТО в Афганистане помогало им решать свои логистические проблемы. Шёл кое-какой обмен информацией. Но сотрудничество дальше не пошло. Афганский клубок оказался запутанным и многослойным. Поэтому автор предпочитает передать слово первоклассному знатоку Афганистана, дипломату, востоковеду, бывшему послу России в Кабуле (2002–2004 годы) М. А. Коновалову.

М. А. Конаровский: Правление талибов характеризовалось жёсткой теократической диктатурой. Страна погрузилась в реальное средневековье. Несмотря на это, талибы, может быть, и смогли бы продержаться у власти довольно долго, если бы не “Аль-Каида”. Бен Ладен главную свою базу решил обустроить в местных горах. Что касается американцев, то мне кажется, они во многом вынужденно вошли в Афганистан. Одно время в Вашингтоне даже склонялись признать режим талибов, пытались убеждать и нас, говорили нам: “Да что вы волнуетесь, ничего в них страшного нет”. Я прекрасно это помню, поскольку в тот период работал в нашем посольстве в Вашингтоне, занимаясь, в том числе, и афганской проблематикой. Талибы же были в значительной степени креатурой Пакистана. Администрация Клинтона пыталась использовать этот фактор в своих интересах. После терактов 11 сентября 2001 года американцам уже деваться было некуда. Они и попали в капкан. Жизнь заставляла их ввязываться всё больше и больше, брать на себя больше обязательств, в том числе и по перестройке “нового Афганистана” по их клише и западным лекалам. К чему это привело, мы видим сегодня – приближающийся окончательный (или не совсем) вывод из страны войск США и НАТО при нерешённости ни одной из проблем на фоне сохранения нестабильности, взрывоопасности и потенциальных угроз соседям.

Автор: В начале столетия мы уже не следовали “прозападному” курсу начала 90-х годов...

М. А. Конаровский: Это так. Однако сразу после распада СССР Россия вряд ли могла себя поведи по-иному, поскольку тогдашнее высшее политическое руководство страны считало, что нужно было избавиться от всего “советского наследия” как от чего-то совершенно ненужного и вредного. Оно не понимало, что геополитические интересы государства не зависят от идеологии. Стремление любым путём “войти в Запад” и упрощённое понимание миропорядка привели к тем ошибкам, которые ещё долго и болезненно будут нам отзывать. Поэтому и ошибки исправлять приходилось и в нулевые годы, да и сейчас. Ведь посмотрите, российская внешняя политика во многом повторяет то, что делал Советский Союз: улучшение отношений с третьим миром, с прошлыми союзниками, стремление установить стратегическое партнёрство со странами бывшего СССР, восстановить отношения с Пекином. Хотя остаётся ещё много вызовов, а нынешнее обострение отношений России с Западом может стать и, скорее всего, станет новым водоразделом и во всей мировой политике.

Автор: Вы считаете, что отказ от поддержки режима Наджибуллы после распада СССР был ошибкой?

М. А. Конаровский: Трудно сказать. Нам легко судить из дня сегодняшнего. Ни моджахедам, ни Западу Наджибулла ни как политической деятель, ни как личность был не нужен. Как бывшего союзника его потеряла и Россия, что можно интерпретировать и как то, что он был брошен. Такая же картина наблюдалась применительно к бывшим союзникам и в других странах.

Автор: А каково было отношение России к талибам?

М. А. Конаровский: Естественно, отрицательное. Когда пришедшим к власти моджахедам пришлось воевать за выживание уже с талибами, то они не постеснялись обратиться за помощью к России. И получили её, мы им очень помогали... История, вообще, интересная штука, и далеко не всегда легко представить, как она поведёт себя в конкретный момент. Нашей задачей была помощь правительству президента Бурхануддина Раббани, опиравшемуся, главным образом, на формирование бывших моджахедов из Северного альянса. Не дать возможности талибам захватить всю страну и выйти к границам бывшего СССР. Мы всячески работали с американцами в направлении того, чтобы они не признавали режима талибов. Скажу без преувеличения, что с российской стороны была проведена колоссальная работа.

Автор: Полагаете, что непризнание Вашингтоном режима талибов – это достижение российской дипломатии?

М. А. Конаровский: Безусловно. Если бы Москва ничего не делала, то всё закончилось бы совершенно по-другому. В конце 1996 года в госдепе открыто обсуждали возможность признания талибов. Активную работу на этот счёт американцы проводили и с некоторыми соседними Афганистану государствами, в том числе центральноазиатскими. План был такой: сначала талибов признают их соседи, что и сделал Пакистан (а также некоторые наиболее одиозные арабские монархии), а потом уже должна была пойти цепная реакция.

В целом же сформулируем так: Вашингтон судит о степени демократичности или недемократичности иностранных государств, исключительно исходя из своих конкретных внешнеполитических интересов, пристрастий и идеологических постулатов. Агрессивное идеологическое мессианство — основа внешней политики США, которое приобрело новые гипертрофированные формы после распада СССР. Он был для них “империей зла” — и точка! Обратите внимание: после распада СССР наша внешняя политика деидеологизировалась, а американская, наоборот, стала ещё больше строиться на идеях мессианства. При этом в нынешних международных условиях США могут принимать во внимание специфику одних государств и одновременно проявлять открытое имперское пренебрежение к историческим особенностям других. Всё зависит от идеологического, экономического и военно-политического прагматизма Америки. И никаких сантиментов. Но на этом фоне нередко существует и явное отсутствие логики, и просто психологическая неприязнь к конкретным лидерам. Казалось бы, одним из главных достоинств режима Асадов — отца, а сейчас и сына в его внешнеполитическом аспекте было то, что Дамаск не доставлял хлопот Израилю — стратегическому союзнику США на Ближнем Востоке, который, между прочим, оккупировал сирийские Голанские высоты. А если исламисты придут к власти, то они могут потребовать всё назад, и будет реальная широкомасштабная война между Израилем и арабами. Казалось бы, поддерживать людей, которые тебе априори могут создать массу проблем в будущем, очень недальновидно. Однако так происходит сегодня.

Ждать от американцев понимания наших позиций не стоит, это утопия. Надо просто принимать США такими, какие они есть, и отвечать адекватно, в соответствии со своими интересами. Лучше договариваться. Но для этого надо иметь силу, и не только “мягкую”. Никакой наивности здесь быть не должно. Именно воинствующая внешнеполитическая наивность советского руководства “последней волны” и либеральных демократов первых лет после распада СССР стоила нам огромных потерь.

Автор: Вернёмся к 2001 году. В какой степени наша позиция была обусловлена искренним желанием дружить, а в какой — прагматичными интересами?

М. А. Конаровский: Прежде всего, прагматичными интересами. Ведь терроризм представлял и представляет для России весьма значительную угрозу. Мы повели себя достаточно тонко, не участвуя напрямую в военной операции в Афганистане. Нас Вашингтон ведь зазывал в коалицию, мы тактично отказались. И правильно. А когда пошло навязывание афганцам демократии по американским стандартам, активными проводниками чего стали, как я их называю, “американские афганцы” в правительстве, когда пребывание иностранных войск, которое первоначально было весьма выгодно власти в Кабуле, стало вызывать неприятие местного населения, — всё стало стремительно менять картину. Если подытожить, то решение США войти в Афганистан и уничтожить очаг международного терроризма было выгодным для России, а вот уже их последующие попытки “учить афганцев жизни” стали большой ошибкой. Безусловно, была создана какая-то молодая элита, но, по моим наблюдениям за её некоторыми представителями, говоря словами классика, “страшно далеки они от народа” и от афганской реальности. А это трагедия Афганистана.

Автор: Американцы учли наш опыт?

М. А. Конаровский: Американцы хотели учесть его. Изучали наш опыт, приглашали к себе отставных советских военных, штудировали книги и воспоминания отечественных “афганцев”, весьма активно задействовали сообщество политологов и научных экспертов, кстати, в том числе и российских. Но на практике всё окончилось ничем, несмотря на то, что на некоторых направлениях они действовали по организационно-административным схемам, по которым в своё время в ряде случаев действовал ещё Советский Союз. Например, создали так называемые “провинциальные восстановительные команды”, включавшие большие блоки с военной, экономической и политической составляющей. С помощью таких “команд” они пытались спаять центральную власть с регионами. Армия тоже пыталась не только воевать, но и заниматься восстановлением. В условиях Афганистана придумать что-то новое было маловероятно.

Афганское общество чрезвычайно трудно реформируемо. Спайка племенной лояльности и консервативного исламизма намертво бетонирует развитие социума.

Автор: Каким вы видите будущее Афганистана?

М. А. Конаровский: Честно говоря, я не очень оптимистичен. Чтобы совершить рывок в восточном обществе, надо иметь очень твёрдую власть, а не европеизированную демократию. Иначе страна может опять захлебнуться во взаимных обидах и разборках, в которых попытаются участвовать соседи. Некоторые из них продолжают смотреть на Афганистан как на стратегическую глубину своей региональной политики. При этом, политических игроков в самом Афганистане за последнее время стало гораздо больше, чем в конце восьмидесятых. И у всех свои интересы.

Автор: А что делать России в Афганистане?

М. А. Конаровский: Россия в любом случае не сможет стоять в стороне от Афганистана, хотя не имеет там таких же стратегических интересов, как ранее Советский Союз. Мы будем продолжать строить конструктивные отношения с Кабулом по двум основным соображениям. Во-первых, в интересах противодействия терроризму, а более конкретно – воинствующему исламскому экстремизму. Думаю, что Россия примет любые расклады в Кабуле, кроме самых одиозных, политика которых будет расшатывать ситуацию в южном подбрюшье страны, то есть в Центральной Азии. Во-вторых, есть цель максимально сократить поток афганских наркотиков. Поэтому умиротворение в этой стране, содействие превращению Афганистана в государство, которое не доставляет хлопот своим соседям, и будет нашей ключевой задачей. Но России не надо стремиться играть в Афганистане лидирующую роль, тем более, что этому будут противодействовать другие. Было бы целесообразней оставаться на втором плане и соблюдать свои интересы, стараясь избегать конкретных обязательств, которые, не исключая, некоторые наши партнёры по афганским делам могут пытаться нам навязать. Действовать следует вместе с центральноазиатскими соседями и не более того, определив для себя красные линии, которые Афганистану будет нельзя пересекать.

Автор: Как сегодня афганцы относятся к русским?

М. А. Конаровский: Они ничего не забыли, но к русским относятся лояльно. Хотя афганцы тоже разные. Те, кто приехал из Америки и занял правительственные и иные позиции, сохраняют антироссийские настроения. Хотя не исключая, что с годами они могут и измениться. В начальный же период деятельности постталибской администрации Кабула многие из них пытались обвинить нас во всех смертных грехах... Афганцы в целом очень рациональны. А имея возможность сравнить нас с американцами, они, возможно, вспоминают “русских” с некоторой ностальгией.

Автор: Атмосфера новой, но ограниченной холодной войны влияет на ситуацию в Афганистане?

М. А. Конаровский: Безусловно. Из Афганистана американцы уйдут, как обещает Обама. Правда, видимо, сохранят там военные базы. Новый президент Афганистана Ашраф Гани подписал соглашение о стратегическом военном сотрудничестве с США. Зачем оно им нужно? “На всякий случай”, – пробросил мне как-то недавно один американский дипломат. В Вашингтоне обсуждают вариант сотрудничества с Китаем по Афганистану, чтобы сбалансировать двустороннее напряжение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Оплачивать покупку наших вертолётов для афганской армии они не будут. Уже свёрнут и транзит грузов через нашу территорию. А вот что будет дальше, думаю, в Белом доме и сами не знают. Но уверен, что если сотрудничество США с КНР состоится, то с американской стороны оно будет направлено на то, чтобы вбить клин между Москвой и Пекином в Центральной Азии. Поэтому надо быть начеку. А дальше может быть много неожиданностей. Талибы усиливают своё присутствие во многих провинциях. Армия и политики ненадёжны. Дезертирство массовое. Этнические и конфессиональные противоречия усиливаются. А тут рядом с талибами начинает активно действовать ДАИШ (запрещена в РФ). Денег на социально-экономические задачи США и Евросоюз дают всё меньше. А как иначе поощрять лояльность? В целом – слишком много неизвестных.

Автор: В нынешней атмосфере отказ США от сотрудничества с Россией по афганским делам сохранится?

М. А. Конаровский: Пока да. “Мягкое подбрюшье” России остаётся уязвимым. Россия не может не укреплять его.